

КОЗЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Сергей ТЕСМИН

Монах Афанасий
Козельские строки

А Л Ь М А Н А Х

Злой Град

Сергей Евгеньевич СЕМКИН

Родился 8 февраля 1954 г. в Москве. После школы учился в Московском институте электронного машиностроения на факультете прикладной математики, занимался театром, живописью. с 1978 по 1984 гг. учился в Одесской духовной семинарии и Ленинградской духовной академии.

Ныне работает в Иконописной мастерской КАНОНЪ, занимается компьютерной графикой. Директор WEB-студии «Линия Билибина», вебмастер сайта www.KOZELSK.ru. Живет в д. Дешовки. Литературный псевдоним – С. Тесмин.

МОНАХ АФАНАСИЙ

Вопрос определения точного числа людей в нашем мире всегда волновал человечество. В древнем Израиле неоднократно проводились переписи. Первую провел Моисей по повелению Божьему: «И сказал Господь Моисею, говоря: когда будешь делать исчисление сынов Израилевых при пересмотре их, то пусть каждый даст выкуп за душу свою Господу при перечислении их, и не будет между ними язвы губительной при исчислении их; всякий, поступающий в исчисление, должен давать половину сикля, сикля священного... и возьми серебро выкупа от сынов Израилевых и употреби его на служении скинии собрания: и будет это для сынов Израилевых в память пред Господом, для искупления душ ваших» (Исх. 30, 11-13, 16). Цель пересчета – исчислить народ Божий. Перепись эта была сделана после его исхода из рабства Египетского. Самому народу Божьему нужно было знать, сколько верующих душ спас Господь из рабства.

Однако не всегда исчисление людей проходило на фоне духовного подъема. В том же Ветхом Завете мы встречаем упоминание о переписи, учинённой царем Птолемеем IV Филопатором (Иосиф Флавий считает, что означенные события происходили при Птолемее VII Фисконе). Вот как повествует об этом писатель Книги Маккавейской: «Он (Птолемея) велел переписать весь народ по именам – не для тяжкого рабского служения, незадолго перед сим возведённого, а для того, чтоб, измучив их объявленными казнями, в конец погубить в один день» (3 Макк. 4, 11). Имеется в Священном Писании и пример самочинной переписи, мотивом которой была лишь гордыня царя, стремившегося показать власть над каждым человеком в народе. «И возстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян», – так повествует о начале мероприятия книга Паралипоменон (21, 1). Такое начало не могло привести к совершенно определенному концу. И все же... Это выходит за рамки нашего исследования и может быть воспринято как пропаганда. Пусть, мы не боимся. (Думаю, что и вы не побойтесь.) Исследование (осуществлено при помощи ВЦИОМ) показало, что только саботаж (а как же иначе – ведь речь шла о народе) помог разрушить реформаторские планы Птолемея.

Обобщая, дерзну высказать уже очевидную для многих мысль: исчисление – не простая задача. Современные неуклюжие попытки её решения подчас оканчивались весьма безславно. Например,

знаменитая перепись 2002 года (прошедшая по стопам Афанасия – от Владивостока до западных окраин страны) показала, что в России проживает 145 200 000 человек. В то же время, уже во время ее проведения многим стало ясно, что количество русских существенно занижено, т.к. многие просто не пришли к переписчикам. Некоторых, впрочем, приписали сами переписчики по собственной воле. В общем, результаты – полный произвол. Да и как могло быть иначе – ведь в организации переписи принимали участие те, кто в 80-е годы прошлого века в лучшем случае занимали должности рядовых комсомольских секретарей и за прошедшие десятилетия полностью забыли собственные практические навыки. Мы несчётны. Мы не подсчитаны. Нас – не сосчитать!.. (Последнее эмоциональное восклицание, отчаянно прозвучавшее из уст екатеринбургского вокзального бомжа было скептически воспринято стражами порядка. А напрасно...).

В любом случае, чтобы исчислить человека – надо видеть его лицом к лицу. Чтобы исчислить Россию – надо её пройти.

Это вступление имеет цель подвести читателя к размышлению о том, сколь велика задача, которую поставил перед собой монах Афанасий, покидая Владивосток. Монах Афанасий (ещё не будучи монахом) пешком прошел от Владивостока до Иерусалима, обойдя всю Россию, после Святого Града он закончил свой путь на Афоне.

Обратившись за помощью к ВЦИОМ, путем опроса 12 552 жителей Владивостока (на мой взгляд, вполне презентативная выборка), удалось составить картину мнений людей о мотивах, подвигнувших монаха Афанасия на его подвиг. 75% респондентов-женщин естественно считают, что таковые титанические усилия Афанасий предпринял от несчастной любви. С ними категорически не согласны другие 15% опрошенных женщин. Они в один голос утверждают, что Афанасий искал свою суженую. Кстати, на дополнительный вопрос: – «Встречались ли вы лично с монахом Афанасием?» – эти респонденты ответили: – «Нет». Остальные 10% женщин Владивостока отказались разговаривать с агентами ВЦИОМ, заявив, что те уже опрашивали их, но денег так и не заплатили. Совершенно другую картину показал опрос мужчин. 15% респондентов-мужчин подозревают, что свой труд Афанасий предпринял в поисках «бабы» (прошу простить читателя за простонародное выражение). 75% отвечавших считают, что такие усилия можно предпринять, только бежав от «бабы» (мои извинения...). 10% заявили, что все опросы ВЦИОМ – сплошной обман.

Таким образом, большинство жителей Владивостока считают, что причиной подвига Афанасия была сложная личная жизнь. Вполне вероятно, что это так и есть. По крайней мере, в наше время, трудно себе представить человека, готового положить столько трудов на алтарь какой-либо общественной идеи. Современность бедна борцами за общественные идеалы. То, что сейчас получило название «публичность», совершенно не совпадает с этим тем, что под этим понималось, положим, в XVIII веке. Взять хотя бы столь уважаемую ныне касту актеров. Будучи людьми «публичными», т.е. готовыми удовлетворять пожелания и интересы «публики», они вовсе не соглашались потерпеть даже малейшую критику со стороны последней. Попробуйте запустить в актера гнилым помидором или тухлым яйцом, и вы сами убедитесь, сколь нетерпимы к критике эти, с позволения сказать, «публичные». Вас может избить их охрана или они лично, вас могут привлечь к суду за оскорбление личности (хоть вы и кидали просто в актера), наконец, вас не поймут коллеги по работе – безусловно, вас ожидает обвинение в неинтеллигентности, грубости и даже хамстве. Что самое страшное – в последнем ваши обвинители будут по своему правы. Ведь хамство (от библейского Хама) – не что иное, как оскорбление старшего, священного. А именно таковым для большинства жителей Екатеринбурга являются актеры (что и показывает опрос ВЦИОМ, проведенный по стопам путешествия Афанасия).

Пытаясь определить, какова причина предпринятого Афанасием путешествия, мы упираемся в невозможность ее установить не только путем опроса жителей Владивостока (откуда сей подвижник начал своё движение), но и жителей Екатеринбурга, где он провел несколько дней, осуществляя им задуманное. Опрос жителей Екатеринбурга проводился в рамках совершенно другого проекта, тоже связанного с исчислением, но имеющим международное значение и финансируемым ООН. Однако и для ООН жители Екатеринбурга не смогли сформулировать цель Афанасия. В то же время цель эта была ясна с самого начала пути, т.к. и сам путь направлялся к ней. Афанасий шёл в Иерусалим.

Сложности начала пути (Владивосток) остаются вне поля зрения историков. Лишь местное Афонское предание сохранило сведения о том, что, выйдя из города, Афанасий остановился и задумался: ведь ему надо было пройти пешком от Владивостока до Иерусалима, пересечь 12 часовых поясов, преодолеть 14 407 (М-В 9302 или 9288) километров пути, множество городов и сел. Предание повествует о том, что подвижнику удалось побороть искусительное колебание, и

он уже не смог вернуться во Владивосток. Путь его лежал перед ним.

Сразу за околицей Владивостока стоял придорожный трактир, где в последний раз видели Афанасия. Трактирщик, старый еврей, когда я спросил его, почему он не пошёл с Афанасием в Иерусалим, ответил, что он пока жив, а об Афанасии никто давно уже не слышал. Я не поверил ему. Далее меня везли дальнбойщики, прямо по следам Афанасия. Никогда не предполагал, что Сибирь так огромна и для того, чтобы добраться до Урала, мне потребуется почти месяц. У меня нет точных сведений – сколько затратил на этот путь Афанасий, и поэтому, что самое главное, я не могу достаточно объективно судить, хватит ли этого времени для осуществления того дела, которому посвятил Афанасий свой путь. Екатеринбург, как я сообщал ранее, так же, как и владивостокский трактирщик, ни в коей мере не стал вникать в цели и задачи путепроходца, хотя и достоверно известно, что Афанасий несколько дней простоял недалеко от собора (прямо через улицу от того места, где некогда стоял дом Ипатьевых), что-то шепча и загибая пальцы.

Некоторые не замечали, как мимо них прошел Афанасий, но бурятскому народу запомнилось пребывание на их земле русского путеходца. Буряты – народ, искренне полюбивший лечиться. Всякий, кто преуспел в Божьем деле исцеления болящих, почитается бурятами бодхисатвой, и к нему устремляются многие, жаждущие исцеления (в надежде, при том, перевоплотиться в уже никогда не болеющих украинцев – почитаемых бурятами за «сильных белых людей»). Как получилось, что лба водителя главы районной администрации коснулась тяжкая Библия Афанасия, архивные документы умалчивают, однако, когда тот встал, его голова, страдающая ранее мучительным похмельем, совершенно исцелилась. Вскоре у домика, где временно остановился Афанасий, стройной шеренгой стояли жаждущие лечения буряты. С утра до ночи валил их с ног своей Библией Афанасий. Почти всех. Некоторые из пришедших лечиться (как оказалось впоследствии – шаманы) при виде взлетевшей над ними книги Священного Писания с удивительным проворством отскакивали назад, перепрыгивая при том через довольно высокий штакетник. Так и работал бы до скончания века Афанасий. Так и не стал бы он монахом, если бы поддался на искушение стать бодхисатвой.

Но однажды, придя и выстроившись в ожидании Священно-Библейского исцеления, буряты простояли целый день и понуро разошлись к вечеру по домам. Монах Афанасий, отвергнув путь бодхисатвы, вновь держал свой путь на запад.

Точную дату прибытия Афанасия в Москву установить по прошествии лет уже не представляется возможным. Современная Москва, своими бесчисленными декорациями, по недоразумению называемыми современной архитектурой, всё же исполнила заложенный в неё древний замысел – привела своей, уже почти неузнаваемой спиралью Афанасия на Красную площадь к Казанскому собору. Высокая паперть собора, как спины людей, вздымающаяся над брусчатой основой площади, вновь, подобно екатеринбургской улице, ненадолго стала местом отдыха Афанасия. Он стоял здесь более трёх дней, спиной к собору, лицом к народу. Замечен был Афанасий и на бульварах. Покровский бульвар, обрывающийся бульварное кольцо на востоке, был дважды пересечен путешественником: сначала – при входе в Москву, а потом – при его отшествии. Афанасий пересекал Покровский бульвар в районе Воронцова Поля. Каждый раз, когда он проходил мимо желтого особняка по адресу Покровский бульвар, 18 («Дом Телешева»), крайнее к углу окно, выходящее на бульвар, бывало открыто, и оттуда, сквозь клубы сигаретного дыма, вслед Афанасию смотрел самый старый житель города – Сергей Владимирович Королёв, строитель Казанского собора (сооружён в 1636 г. в честь победы над поляками). Осталась за спиной Афанасия Москва, а по свидетельству С.В. Королёва он, Афанасий, прошел в Москве почти по каждой улице, уж, по крайней мере, по тем, где стоят церкви, и не заблудился. На мой взгляд, такая удивительная способность находить путь, тем более в Москве, заслуживает особого удивления.

Здесь мне придётся извиниться перед читателем – я совершенно упустил из виду путь Афанасия до Москвы. Отчасти я поступил так сознательно, каюсь – данный вопрос ещё недостаточно исследован, и не хотелось предварительные результаты выносить на строгий читательский суд. Совершенно точно известны начальная (Владивосток) и конечная (Иерусалим) точки путешествия. Достоверно и то, что Афанасий был в Москве, а после Иерусалима нашёл свой приют на Афоне. Думается, что Афанасий шёл по дальневосточной железной дороге. Именно вдоль этого, можно сказать, «священного» для России пути в основном и живут русские в Сибири. Да и как еще идти через всю Россию, если не по шпалам. Так определился маршрут Афанасия: Владивосток – Хабаровск – Благовещенск – Чита – Иркутск – Красноярск – Новосибирск – Омск – Екатеринбург. Далее путь его на некоторое время теряется в дорогах, просёлках, тропах и стёжках России, как теряются в них многие пути русских лю-

дей, идущих по этим дорожкам во все стороны своей огромной страны.

Удивительные есть дороги в России! Вот, к примеру, почти незаметная на карте автомобильная дорога Козельск – Белёв. Тридцать километров, которые можно ехать целый день. Два древних русских городка почти не достижимы для машин: чересполосица асфальта и колдобин способна поразить цивилизованного человека – почему так, для чего? Непонятно. Такое впечатление, что две соседние области – Калужская и Тульская – две разных страны, и их пограничье, заросшее лесами и затерянное в некошенных лугах, – такая глушь, что в нём живёт особый пограничный народ: лешие, водяные, кикиморы. И при этом путь по «железке» из Козельска в Белёв – наиболее прямой и наиболее русский. Как часто, сидя на высоком берегу Жиздры в городском парке, я наблюдал синий поезд, гулко выезжающий из зелёно-синих лесов на горизонте: по высокой насыпи он проползал к лёгкой решетке моста и входил в Козельск, исчезая в его домиках и садах.

У меня нет никакого сомнения, что Афанасий шёл по железно-дорожным насыпям и шпалам (сколь бы это не было трудно для его размашистого шага). И только в больших городах его ноги касались асфальта – этой жидовской смолы (по учёному толкованию В.И. Даля в его знаменитом словаре «Живого великорусского языка»), всё более и более заливающей землю.

Выйдя из Москвы, он свернул прямо на юг.

Почему для совершения своего удивительного замысла Афанасий целью своего пути выбрал Иерусалим. Ну, во-первых, всем известно, что именно Иерусалим – центр мира. На святой Голгофе, там, где пролилась кровь Спасителя, можно увидеть глубокую трещину. Трещина это достигает самой преисподней и является местом той невидимой оси, вокруг которой в действительности и вращается Земля. Представьте себе надувной шар – сферу с микроскопической дырочкой-входом в ее нутро. Если взяться за края этого отверстия и равномерно растянуть эту резиновую сферу, то в результате мы получим диск, краем которого станет та самая окружность, что некогда определяла отверстие в шаре. Так и наш земной шар – это, по сути, не что иное, как блин, свёрнутый в сферу. Центром этой сферы (или, что то же – окружностью блина) является та самая Голгофская щель, а центром блина (или максимально удаленным от Голгофы местом) будет безлюдная впадина в Тихом океане западнее Австралии. Афанасий двигался по сектору диска или, для наглядности

скажем, по вырезанному из земного шара ломтю, значительную часть которого занимал Тихий океан (почему и начал-то Афанасий с Владивостока!). Нет никакой необходимости, так сказать, «обходить моря и земли» – достаточно пройти по России, чтобы увидеть всё, что нужно для осуществления того великого дела, которое взял на себя монах Афанасий (тогда ещё не будучи монахом).

Поворот путешественника на юг вполне понятен. Долгота Иерусалима всего на 2 с небольшим градуса отличается от долготы Москвы (35°13.19' и 37°36' соответственно). Южный путь Афанасия лежал по проторенной дорожке русских паломников: Москва – Одесса. Некоторые города, лежащие близко к этому направлению (но не вполне на линии железной дороги) могли бы оспорить честь пребывания в них всероссийского путепроходца. Возьмем, к примеру, Калугу – древний русский город, не вписавшийся в четко обозначенный пунктир «железки» (Калуга оказалась несколько восточнее основной железнодорожной магистрали). Был ли в Калуге Афанасий? Есть все основания полагать, что этот вопрос необыкновенно важен для каждого жителя Калуги и, что вполне естественно, для Калужского владыки Митрополита. Будучи в то время архиепископом, Владыка нес послушание заместителя Отдела внешних церковных связей, которое давало ему возможность помогать русским паломникам в Святую Землю. Но ведь Афанасий не числился официальным паломником! Что мог предложить ему калужский Владыка? Ну, а что, собственно, получали из епархии простые калужские прихожане? В первую очередь – архиерейское руководство, и, конечно, кое-что из европейской гуманитарной помощи: ну там гречку (очень вкусную и генетически модифицированную), генетически модифицированную сою (очень вкусную), рис (у нас такой не растёт) и подсолнечное масло из всё той же удивительной сои. Все эти исключительно постные продукты Афанасий может быть и употреблял бы в первую очередь, но тогда он ещё не был монахом и скорее всего съел сочный калужский чебурек в чебуречной на углу Театральной улицы. Но не для этого он сделал крюк почти в 10 километров, а чтобы поклониться чудной Калужской Богородице – покровительнице всех паломников (ведь Она читает Путеводитель).

По брянским лесам и орловским полям проследить путь монаха Афанасия совершенно невозможно. Здесь он шёл путём партизан, о направлении перемещения которых знало только Верховное Главнокомандование. И все же о пребывании Афанасия в Орле сохранились кое-какие свидетельства, более напоминающие легенды. Так

рассказывали, что он зачем-то собирал сгоревшие спички, ходил босиком и в шарфе. Многие считали его юродивым и блаженным, но ведь на самом деле он был человеком, мыслящим чётко и высказывающимся конкретно и прямо. Если он и собирал сгоревшие спички, то вовсе не для того, чтобы этим скрыть свои молитвенные поклоны (как трактовали эти его деяния недопонимающие почитатели), а лишь для того, чтобы использовать эти предметы в задуманном им великом труде. Ну, и, конечно, для чистоты в городе.

В любом случае, это малозначительные эпизоды в его путешествии.

Прошёл он и Киев, поклонившись святым Печерским угодникам и испросив у них направление на Афон. Некоторые историки считают, однако, что благословение отбыть на Афон он получил после окончания своего великого дела уже в Иерусалиме. В центре Киева Афанасий посетил множество храмов, с удивлением услышав там вместо церковно-славянского языка официальный язык независимой Украины (при том, что ранее, посещая множество храмов, он никогда не слышал богослужения на официальном федеральном языке). Это открытие столь потрясло Афанасия, что он было даже заколебался в правильности выбора своего пути и сгоряча оставил в этих храмах все собранные ранее сгоревшие спички. Лишь вмешательство преподобного Илии Муромца, таинственно в образе перстосложения показавшего Афанасию его путь, укрепило героя в первоначальной решимости.

В Одессу путепроходец пришёл как в место, откуда все русские паломники начинали свой путь из России на Святую Землю. Здесь, в Своём соборе, его ждала Сама Богородица в образе «Касперовской» Своей иконы. Из райского сада Патриаршей дачи (Патриарх на тот момент отсутствовал) при Успенском монастыре на Фонтанах наблюдал Афанасий скрывающиеся в черноморской дымке священные дали. Один профессор по кафедре геополитики Одесского Государственного университета оспаривал это, ссылаясь на то, что кривизна Земли и, что самое, по его мнению, главное – наличие Турции, не дает возможности с высокого одесского берега наблюдать Святой Град. Позволю, впрочем, не согласиться с мнением сего учёного мужа. Во-первых, Святой Град находится очень высоко. Доказательство чему мы постоянно встречаем в Евангелии, где неоднократно говорится, что Господь «восходил в Иерусалим». Но, самое очевидное – всем известно, что Черное море (и Средиземное тоже) обладают весьма прозрачной водой, сквозь которую, если приглядеться,

можно, несмотря на кривизну Земли, увидеть Землю Обетованную. Турция тут не помеха. Многократно комментаторы отмечали, что «Турция нависает над проливами». А раз «нависает» – то, значит, всё-таки не перегораживает!

Из Одессы, можно сказать, Афанасий направился по прямой, превратившись из пешехода в морехода. Он миновал Понт Эвксинский, русские проливы, воспетый и воспитый поэтами туманный Геллеспонт. По сути, его дело было уже завершено, осталось только предстать с этими результатами пред Господом в Его Святом Граде.

Суммируя, можно сказать, что, идя из Москвы на юг, минуя Калугу, Киев, Одессу и т.д., с необходимостью упрёшься в Иерусалим, подойдя к городу (Старому Городу) с севера, там, где кварталы хасидов. Немного поплутав по узким улочкам, как мухами, обсиженным людьми в мрачных чёрных шляпах, Афанасий взял западнее и вышел на улицу Яффо – прямую дорогу к Яффским Воротам. Можно было предположить, что его след затеряется прямо здесь, за воротами, в маленьких кафешках и лавочках Города. Однако нет. Первый же обратившийся ко мне попрошайка радостно закивал, когда я спросил у него об Афанасии. «Анести, елефос Анести (видимо, не расслышал), – радостно повторял он, перекладывая из руки в руку поданный шекель. На балконе над греческой аптекой тихо славил родившегося Спасителя мира украшенный белыми тряпочками и сухими веточками картонный вертеп, и в одной из его фигур – стоящего чуть в стороне отчаянного бедуина – я увидел Афанасия – такого же босого (он вошёл в Город, сняв обувь) сурового путника, прошедшего пустыню мира от Владивостока до Святого Града. Есть все основания (свидетельские показания и научные наблюдения) полагать, что Афанасий был в Иерусалиме. Впрочем, об этом повествует и Афонское предание, записанное со слов самого Афанасия.

Здесь, стоя над трещиной в сером граните горы Голгофа, он понял, что путь его окончен, труд совершён и остаётся удалиться от этого мира, который он прошёл от конца до начала – здесь более никто не войдёт в число людей. Ибо труд монаха Афанасия и состоял в том, чтобы исчислить число людей, по избранной им Богом судьбе живущих в мире земном. Вы спросите меня, но как он мог, пройдя лишь одну только Россию, да и то – почти по прямой, исчислить людей Земли. Этот вопрос не ко мне, а к специалистам по математической статистике (может быть, помогут сотрудники ВЦИОМа). Однако, теперь мы точно знаем, что в мире земном живёт 144 000 004 человек (так неизвестным осталось, включил ли Афанасий себя в этот резуль-

тат), что существенно расходится с так называемыми сведениями ООН и Всемирной организации здравоохранения. Придя на Афон, монах Афанасий закончил свой счёт.

Монах Афанасий может по достоинству войти в историю пере-счета людей как подвижник и герой. Мне, как стороннему историку, трудно установить причины, побудившие монаха Афанасия пред-принять столь капитальный труд – подсчет людей, да еще в одиночку.

Дальнейшее плавание Афанасия морем на Святую Гору я уже не могу отнести к путешествию по земному миру, да и людей он более не встречал.

Конец, и Богу Слава!

Козельские строки

ТРИ ОСЕННИХ СОНЕТА

Река Сосенка

Из-под корней сосны, среди листвы и хвои
струя то тихо шепчет, то поёт.
Над дном песчаным отблеск неба вдруг мелькнёт
и дрогнет – опьянён травы настоем
крепким, в котором горечь тёмная лесов,
воспоминанье пращуровых снов
языческих... и светлых откровений
преображается в усилие стремлений –

в водах реки святой
свою струю смешать
с другими струями, из всех лесов Руси,
чтоб до Оки, до Волги не терять –
а ты уж, Волга-мать, до моря донеси
лесную тайну, сосенный настой...

Осень, дорога Козельск – Белёв

Козельск – Белёв. Укромный край России –
от оптинских лесов до берегов Оки
ветры небес здесь меж стволов носили
дым ладана. Здесь светлы и легки

простые думы. Голубеют дали –
так бесконечны, будто вся земля
в них прячется, как дымкою печали
окутав волны леса. И поля

лежат вокруг покойно и устало...
Вдруг, паутинка пролетает – быстра,
переплетая золотом лучи

вечернего светила, словно искра
мелькнёт близ пламени молитвенной свечи –
каким закатное над лесом солнце стало.

Березичский храм

Он бело-розовый, как сладость для детей,
осеннего зефира друг высокий.
Близ кладбища, помянника смертей,
он в небо устремлён, высокоокий.

Он помнит гул небес, железных жал укус,
но зарастают раны грешной битвы.
У алтаря вновь расцветает куст
сирени, в тихом отзвуке молитвы.

И может показаться грубоват
тяжелый четверик, и купола малы...
Но чем-то он с избою видом схож,

вознесшейся на гору, чтобы ложь,
ударившись о грозные валы,
замедлила свой яростный накат.

АВТОБУС Ст. ЗАВОД – КОЗЕЛЬСК

Ну что, вся собралася, Россия?
Ты людей пожалей, не гони.
Не давите – почти раздавили.
Не смущайся – все от любви.

Сосны – то ли столбы верстовые,
то ль – ворота, косятся так
что сейчас упадут, вековые,
завалив извилистый тракт.

Но скрипит больными мостами,
и кряхтит в телогрейке бок –
к Жиздре выбрались, и местами -
солнца луч осветил, как мог

сквозь вспотевшие стекла машины:
пальцы темные, как земля,
и косынку – цвета калины,
и иконочку у руля.

Вдалеке, на солнечном взгорье,
пастилой розовеет храм.
Избяное волнистое море
подступает к его стенам.

Взобралися на кручу. Небо
синь раскинуло. Поле – желть.
Привозили ли нынче хлеба?...
Посетила ли нынче смерть.

Вон, хоронють, и кто ж там помер?
Да, с Дешовок, гляди – несут...
Стёжкой редкой еловый помин
исчезает. И снова тут -

открываются трудно створки,
и высокий, в темных очках,
забирается вождь на закорки –
ветеран. Впереди в значках

колыхнулася занавеска.
Взвыл мотор и – давай тянуть.
Прыгнул солнечный зайчик резко,
словно пулей тронуло грудь.

Ухнем вниз, как в яму окопа,
над кровавой Орденкой – вперёд.
здесь когда-то прошла пехота,
и втоптала Европу в лёд.

Эй, больница - выходим что ли?
Есть больные иль все мертвы?
И как из-под земли, на волю –
Вытряхайся, трухлявые пни...

Понабились теперь ребята –
чубчик к чубчику, куртки вразлёт.
Может быть, вам скажут когда-то:
Эй, пехота, давай вперёд!

Вниз по горкам, к военкомату.
Все ль здоровы, иль только злость
напускная, а глаз виноватый –
даже зайцем не удалось

вам проехать. Пихая в спину,
лезет баба – плати, вези.
Повернулись и – в гору. Выну
повелось у нас на Руси:

тянем тяжко, кряхтим, но терпим.
Замок розовый – ждёт как рай.
Нет, не будет победы смерти,
Что задумался – дверь отворяй!

30.10.2003

ЗИМНЕЕ ПОЛЕ

Чуть слышен ветра свист,
и только. Тишина.
Сухие травы – зимние букеты,
в них не ищи вопросы и ответы –
в них вечности сокрыты семена.
И снег под ними чист.

Раскинут в даль простор,
до леса белизна.
Как русские упрямые полки,
сухие травы жёстки и горьки.
Последняя их зимняя война –
смертельная, как спор:

вы кто, или вы что?
Нет, мы не ждём ответ.
К чему восстали среди снежной глади?

Быть может, можно как-нибудь уладить –
что будущего нет,
а прошлое – ничто.

Не вечно быть зиме.
Еще споёт весна!
Не говори, что это поле мёртвых –
вот быстрые щеглы в одеждах из обёрток
и фантиков из сна
детей, играющих в траве.

ТРИХОЛМА КОЗЕЛЬСКА

На трёх холмах раскинулся Козельск:
дивизия, больница, монастырь.
а в центре – перекрёсток новостей,
над ним – России небо – вдаль и вширь
лежит. Веками гул смертей
и жизнью, как немолчная псалтирь,
гуляет меж холмов.

Все три холма имеют общий смысл –
спасение, защиту и борьбу.
Но каждый холм, нас приглашая ввысь
и предлагая разную судьбу,
одно лишь говорит – не обернись
назад, я увести смогу
тебя туда – за окоём домов.

Один из них – в леса ведёт пути
к сокрытой силе яростных огней,
которую почти не понести
без помощи минувших славных дней,
без крови пролитой под ратные кресты,
что на груди у Родины моей,
как у прошедших этот путь отцов.
Второй – путь скорби, путь болезни, путь обид –
приводит к белому терпенью и труду.
То путь прощенья, так нам говорит

Господь, для тех, кто близ Орденок впал в беду,
кто одинок... Как часовой стоит
нетленный – лиственница, с ней в одном ряду
целительные деревья крестов

холма, что через реку, из лесов
уводит души прямо в небеса...

Но у «Аптеки» множество весов,
прилавков, фруктов, пива и носков,
фонариков, консервов и домов –
за стенами здесь не видны леса...

БАЙДАРКА НА ЖИЗДРЕ

Взмах весла, погружение в жёлтую воду,
и удар, что быстрее полета небес.
Не обидеть берега. «Жив ты!» – вятскому роду.
Отражения в Жиздре, как срубленный лес,

что в дубах сторожит в тёмном омуте рыбу.
В каждый миг, начиная победный гребок –
он плечом развернувшись, будто на дыбу,
поднимает струи мутно-рыжий поток:

здесь монгол проплывал – в воду брошен стрелою;
«Тигр» – мотором кровавил сломавшийся лёд,
и сейчас, разливаясь холодной весной,
Жиздра тёмной водой сор весенний несёт.

Мимо красных быков подпирающих небо,
отщеплённую молнией, тенью в воде
пролетает индеец по имени «Небыль»,
словно в белом тумане пропадая в нигде.

Вновь река молчалива. Вновь струи исчезли,
но запомнили молнии серый рывок –
и ускорились, чтобы в последней надежде
в море выплеснуть жёлтый, как солнце, песок.